

A vibrant, cyberpunk-style illustration of a city street at night. The scene is dominated by deep blues and purples, with warm orange and red lights from buildings and street lamps creating a hazy, atmospheric glow. Tall, dark buildings line the street, with various signs and lights visible. In the center of the street, a lone figure in a dark coat and hooded jacket stands with their back to the viewer, looking down a long, empty road that leads towards a bright light source on the horizon. The overall mood is one of solitude and mystery in a high-tech, futuristic world.

Разговор на асфалте

Лада Шагина

Лада Шагина
Разговор на асфальте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70405090

SelfPub; 2024

Аннотация

Понимание и принятие трудной реальности через мистические события в жизни.

Лада Шагина

Разговор на асфальте

Ивка гнала свой маленький джип по забитому шоссе на запрещенной скорости, не сбавляя оборотов, не замечая предупреждающих сигналов «подрезанных» автомобилей и ничего вокруг не видя. Мозг переключился на автоуправление, и ее темно-зеленая тойота мастерски вырулиwała и обгоняла впереди идущие автомобили. При этом не возникало ни малейшего раздражения по поводу тихих ходов на скоростной полосе трассы. Оцепенелый взгляд, стеклянные зрачки неподвижно смотрели вдаль, будто просматривали невидимые другим картины только что происшедшего с Ивкой – шальной тетки с рыжими волосами и вечно гнетущим чувством обиды на весь мир.

«Доколе так можно истязать всеми возможными способами мою душу, хлестать меня по щекам с детства, выцарапывать наив из моих измученных глаз! Да меня уже практически нет на этом белом свете. Я уже умерла. Я не чувствую себя давно! Я будто размазана по этому миру, и от меня не осталось ни икринки. Куда еще больнее? Я пытаюсь каждый день себя восстанавливать из мертвых, уговаривая прожить еще один день, который проходит как в немом кино – я все равно никого не слышу, делаю лишь что должна делать, запрещаю думать о светлом будущем, потому что его не может

быть, исходя из черного прошлого и серого настоящего...

Будь она проклята. Она послана меня исклевать по кусочкам, делая это мастерски, используя с самого детства мою неистовую любовь к ней! Я была ее частью, вернее она мной – головой, душой, сердцем, телом; я чувствовала ее боль, ее любовь ко мне даже когда все стало меняться со скоростью света. Я тогда отвергалась все больше и дальше, исчезая из ее жизни, да и из своей тоже. И ничего уже изменить нельзя. Никогда. Все попытки вернуться в ее любовь – напрасны, неуклюжи, унижены, отвергнуты. Я как нищенка по жизни иду без ее любви, мне каждый раз больно ее видеть, а она еще больше ранит меня. И сейчас, после стольких лет, как она могла так поступить? Со мной? Ведь мы были одной любовью! Невыносимо. Я не в состоянии это пережить. Нет больше ресурса жить. Нет совсем.»

Слезы ручьями лились из глаз, смывая пудру и оставляя неровные следы на светлой коже. Мысли звучали громко и губы шевелились в каких-то нечленораздельных словах и звуках. Обычно в машине звучал медитационный восточный мотив, который часто помогал раствориться в действительности и не обращать внимания на ее колючую поверхность, получая обыденные толчки от людей, их решений, рутинных событий жизни. Сейчас этой музыки не было. Тишина в машине нарушалась лишь тихими всхлипами и угрожающими сигналами подрезанных ею авто. По обеим сторонам обочины проносилась густая зелень знакомого парка. Здесь мно-

го лет назад Ивка гуляла со своей маленькой семьей, собирая первоцветы, играя с пухлощеклой дочуркой в прятки, выглядывая из-за стволов то «лосем с ветвистыми рогами», то «быстроногим бесшумным тигром», опережающим маленькую дочь большими прыжками. В своей рыжей легкой шубе она и вправду была похожа на хищника с мягкими лапами, прыгающего по белому снегу и нежно ласкающего своего неуклюжего еще детеныша. Это было слишком давно. Повзрослевший детеныш тоже отверг ее, променяв на искрометные увлечения, романтические сопли и отцовскую жесткую, но всегда преданную любовь. Она всегда одна, даже среди толпы знакомых лиц. Ей некуда приткнуться взглядом – она все время в поиске кого-то, кого нет нигде уже, о ком тоска переросла все мыслимые границы сознания, о ком мысли истерлись до дыр и память уже отказывалась воспроизводить бессчётное количество раз то драгоценное, что еще осталось в темных ее глубинах.

Слепило заходящими лучами солнце. Где-то внутри продолжался еще монолог обиды. Внезапно перед ее глазами все остановилось в растянутом моменте, картинкой застывшей реальности, застывшими декорациями в кино. Тело будто отделилось от сидения и попыталось выйти наружу из машины, но неизбежное уже происходило. Исчезли все звуки. Ивка не могла пошевелить ни рукой, чтобы вывернуть руль влево и принять неотвратимое хотя бы на соседнее сиденье, ни ногой, чтобы нажать на тормоз... даже мышцы глаз не

могли сомкнуться, они желали видеть все: и как по встрече с бешеной скоростью выехал белый большой внедорожник со сверкающим крестом на бампере, и как на нее смотрели голубые огромные глаза водителя, умоляющие простить его, безумного, внезапно выскочившего из-за медленно идущей нескончаемой колонны огромных груженных фур. Она не могла уже дышать, но видела и чувствовала каждую свою мысль, каждое свое движение, напоминавшее замедленную съемку, ощущала холодную волну, идущую откуда-то из головы прямо в ноги, видела, как что-то ударило её в грудь, отдаваясь жгучей болью во все еще живое тело и сознание и, глаза, наконец, закрылись.

...Ивка продолжала смотреть, не мигая, перед собой и, по-прежнему не видя – ее взгляд был обращен внутрь – а там была тьма. Также много лет назад Ивка провела свою первую ночь без нее в такой же крошечной тьме одна, на маленькой кровати, среди других ее семилетних сверстников-одиночек, вынужденных понимать и принимать новые условия жизни – неприятии, темноте и нелюбви. В то время как ее младшие сестры купались в материнской любви каждый день, отобрав это счастье у нее лишь правом своего рождения после нее – первенца. Это несправедливо. Ивка чувствовала эту несправедливость своей детской интуицией, и в ней нарастала ненависть к тем маленьким толстоногим существам, забравшим у нее мать. С каждым днем она уверяла себя в мысли, что нужно стать просто лучшей во всем, и тогда мама будет любить

только ее. Она будет восхищаться Ивкой, будет целовать и любить только ее, она будет смотреть только на нее. Она добьется этого во что бы то ни стало. Это было не так трудно среди тупых, слабых и уродливых интернатских детей, каких она видела вокруг себя. Себя она ощущала сильной, умной и красивой – талантливой и выше остальных. И это ощущение подтверждало отношение к ней учителей, хваливших за успехи в учебе и примерное поведение. Она становилась звездой класса, а потом всего интерната, занимая лидирующие позиции командира, затем комсорга, ведущей культурных мероприятий. Она становилась лучшей, как и загадала когда-то в самую первую свою одинокую ночь.

Лишь дома, приезжая на субботу-воскресенье, она не чувствовала той уверенности в своей исключительности, которой добилась в интернате. Дома она сверкала злющим огнем на своих младших сестер и все больше ненавидела их, используя каждый удобный момент побыть рядом с матерью и приструнить разбалованных погодок. В эти короткометражные побывки Ивка часто заболела, то ли расслабившись, наконец, после напряженной гонки за лидерство, то ли чувствовала, что таким образом мать уделит ей побольше внимания – она тем не менее была благодарна матери за каждый нежный взгляд на лету, целовала ее руку, трогаящую горячий лоб, просила посидеть и почитать хоть пять минут что-нибудь из сказок. Последнее удавалось крайне редко – мать вечно была занята стиркой, готовкой, кормлением де-

тей и домашней скотины, которую вся семья с трудом выкармливала, чтобы на столе всегда были свежие яйца, мясо, да появлялось немного денег от продажи кроликов и живой свинины. Но когда родилась третья сестра, Ивка поняла, что теперь ей ждать больше нечего. Ей уже не получить хоть капельку от этого теплого, но уже чужого очага. Ивке было невыносимо больно смотреть теперь на мать, провожающую ее на автобус в интернат с непрестанно орущим свертком, который мать нежно прижимая к груди, махая Ивке, стоящей одиноко за закрывающимися дверями автобуса и неотрывно смотрящей вслед спешно удаляющейся матери. Она уже не плакала при матери, но только автобус отделял Ивку от материнского большого мира, как из ее выразительных карих глаз брызгали первые слезы, а за ними целый поток с тихим скулежом, но, уже при подъезде к воротам интерната, слезы высохали, на ее лице оставались лишь решительность и готовность к трудной одинокой жизни среди постоянных соперников за место лидера.

Конечно, матери сообщали об успехах Ивки, хвалили дочь, прочили ей очень успешное будущее, но мать лишь улыбалась, кивала головой и искоса посматривая на Ивку, старалась побыстрее закончить подобные разговоры и уйти с редких вынужденных встреч с учителями. Ивка страдала от нарастающего равнодушия родителей. Отец никогда не замечал старшую дочь, лишь, когда Ивка потопчется по его спине, разминая затекшие мышцы бывалого шоферюги, он

погладит Ивку по голове и улыбнется в благодарность.

Когда одна из младших сестер пошла в первый класс, мать просила Ивку приглядывать за ней, но Ивка старалась не замечать этих скорбных больших глаз, беспомощно ищущих старшую сестру. Она пряталась от сестры в столовой за головами одноклассников, старалась не попадаться на глаза на прогулке, гуляя с подругами возле аллеи с сиреневыми кустами, не соглашалась на просьбу провести в младшем классе «самушку» – самостоятельную работу с домашним заданием.

В седьмом классе Ивка влюбилась в мальчишку-одноклассника. Ее существование неожиданно наполнилось красками и необычайными ощущениями, вдохновляющими любить все вокруг. Она даже стала ласковей к своим младшим сестрам, сшила для их кукол красивые платья из старой одежды. Ей хотелось всегда петь, и она пела, хотелось изрисовать все вокруг красивыми образами, которые ежесекундно проносились в ее голове – и она рисовала и рисовала, очень точно изображая людей, в том числе себя и его, того, кто подарил ей радугу жизни.

Мать не сразу поняла в чем дело, когда Ивка, окрыленная, приехала на выходной и стала с удовольствием помогать по дому, с готовкой, с сестрами и все время спрашивала можно ли ей уже закончить учебу и пойти на работу, например.

– Я хочу тебе помогать, буду работать и приносить деньги в дом.

– Кем ты пойдешь работать, не закончив школу?

– Ну не знаю, а куда меня возьмут?

Мать посмотрела на дочь, с удивлением отметив, как рано сформировалась ее женская плоть – полная грудь, округлые бедра, все свидетельствовало о неуместной зрелости Ивки, как еще одной взрослой женщины в семье – когда успела только, и мать с досады ляпнула:

– Только если проституткой пойдешь....

– А кто это – проститутка?

Мать рефлекторно закрыла рот Ивке шлепком по губам и грозно прошептала:

– Вот только попробуй, тварь!

Оторопевшая Ивка, ничего не понимая, скуксилась, но, сдержав слезы, продолжила чистить уже ненавистную ей картошку для жарки.

Колючая обида на мать не проходила в то воскресенье, и Ивка не могла дожждаться отъезда в интернат, где ее ждал симпатичный влюбленный мальчишка. Только с ним Ивка могла громко смеяться, кружиться, держась за руки, они бежали в летний кинотеатр, что в конце парка рядом с интернатом и подглядывали «взрослые ночные фильмы», после обеда вместе вели «самушку» у малышей, дежурили на главном посту и в столовой, брались за любые поручения – лишь бы вместе. Это было счастливое время за все семь лет, проведенных в интернате.

На следующий год почти всем ученикам интерната пред-

стоял перевод в другие школы, в связи с приездом детей беженцев из Афганистана, которые будут теперь учиться в интернате. Ивке было грустно. Лето не радовало, как раньше, возможностью подольше быть рядом с матерью, купаться в море, наедаться сладкой клубникой и черешней, общаться со сверстниками из других хуторских дворов, играя в казаки-разбойники. Все было грустно. И даже влюбленность как-то поблекла, выгорела от июльских испепеляющих сухих лучей. И мать больше не смотрела на Ивку ласково, только сердилась по всяким пустякам и старалась меньше общаться. Ивка опять была одна.

В одно жаркое утро ей пришла телеграмма, что он ее ждет у моря в пять вечера. Ивка была рада удрать из-под материнской нелюбви и помчалась на попутках на спасительную встречу. Она очень соскучилась. Гуляя весь вечер по берегу и красивой набережной, с фруктовым мороженым, Ивка странно чувствовала себя с ним – как будто что-то стало другим, как будто они совсем взрослые, но еще не умеющие ими быть по-настоящему. Ей так захотелось попробовать быть взрослой, не шутя, она видела, как многие парочки, гуляя, останавливались и начинали прикасаться губами друг к другу. Она приблизила свое лицо к его и закрыла глаза. Через мгновение почувствовала, как горячее дыхание и его губы прикоснулись к ее губам и сильно прижались. Ивке нечем стало дышать и она оторвалась от этого взрослого обжигающего ощущения и побежала прочь, заливаясь счастьем, рас-

ставив руки в стороны, хватая необъятный мир и упиваясь новым волнующим ощущением происходящего с ней.

– Что? Попробовала?

– Да!

– Понравилось?

– Да!

Ивка искрилась счастьем и это злило мать, встретившую дочь в девять вечера у калитки. Она с размаху дала Ивке пощечину. Но злость не оставляла, наоборот, накалилась в уставшей матери. Она взяла с проволоки еще влажное с моря полотенце и отхлестала Ивку везде, куда попадала. Та, испуганная, убежала к себе в отдельно отведенную комнатку в кладовке, которую для себя уютно обставила еще в начале лета.

Рано утром, перед работой, мать ворвалась к Ивке и сквозь зубы процедила: «Дрянь, потаскуха. Не смей приближаться к младшим сестрам. Заразишь! Собери всю смородину с кустов и засыпь сахаром. Поняла, тварь?» Ивка спросонья лишь смотрела на вытянувшиеся в струнку губы матери и прислушивалась к откуда-то появившемуся треску в родном голосе, совсем еще недавно нежном и певучем. Мать ушла. Но от ее слов Ивке сделалось так больно и обидно, и она долго рыдала, уткнувшись в подушку, пока не услышала вопли самой младшей сестренки.

Мать продолжала третировать Ивку по непонятным причинам все лето. Впервые Ивка с нетерпением ждала 1-го сентября, чтобы избежать вынужденного нахождения рядом с

матерью. Мать решила доучить Ивку до 8-го класса и отправить работать. Учеба в обычной средней школе после интерната давалась Ивке крайне тяжело. Требования в городских школах были выше, чем в интернате. Еще приходилось опять отвоевывать лидерскую позицию в новом коллективе, который не признавал в рослой девчонке с русой косой, да еще с хутора, равную себе, городским. Ивка с горем пополам и тройками закончила восьмой и, получив аттестат о неполном среднем, подумывала пойти устроиться официанткой на лето. Мать ничего не ответила на ее предложение, лишь скривила губы, даже не посмотрев на дочь.

Официантами их взяли в один из пансионатов, которых было на проспекте много. Ивка устроилась со своими хуторскими подругами, Ленкой и Лилькой, с которыми дружила все детство. Девчонки собирались идти в девятый, но с удовольствием согласились подработать летом. Работа была не сложная. Днем накрывать отдыхающим, а вечером иногда просили остаться для оформления столов, если планировалось торжество, вроде дня рождения, свадьбы или проводов в армию. Именно на одних из проводов Ивка познакомилась с красивым сероглазым еврейским парнишкой. Он не уходил в армию, а провожал своего друга. Ивке нравился умный и очень смешливый высокий парень, которому она, очевидно, тоже приглянулась. Он стал приходить вечерами за Ивкой в конце смены, чтобы проводить домой. А Ивка не знала куда спрятать от матери свои счастливые глаза. Она очень бо-

ялась странного материнского гнева и, на всякий случай, не позволяла провожать себя прямо до калитки. Они подолгу стояли, шептались и обнимались, за несколько дворов в тени раскидистой алычи, скидывающей свои сочные плоды на тротуар, под ноги редким прохожим. Но счастья не утаишь и однажды мать, возвращаясь поздно от родственников, заметила знакомую плотную фигуру дочери с молодым человеком. Без церемоний, она схватила Ивку за волосы и потащила домой, не обращая внимания на ее визг и попытки вырваться. Дотащив Ивку до калитки, мать швырнула ее как котенка и, шипя, набросилась на дочь с кулаками. Ивка стала отбиваться как могла, награждая ударами ту, которую любила больше всего на свете.

Неприятная стычка матери с дочерью закончилась быстро только благодаря соседу, который заметил буйную возню в соседнем дворе. Он быстро разнял не на шутку вцепившихся друг в друга женщин и увел ревущую от тяжелого оскорбления мать в дом. Ивка не хотела оставаться дома и побрела к своей рыжей подруге Ленке, мать которой очень сочувствовала Ивкиной ситуации и была, как казалось Ивке, на ее стороне. В эту ночь Ивка решила умереть. Она не видела больше смысла в жизни. Мать не принимала более ее любви, она ей была не нужна и не позволяла отдавать эту любовь другим. Зачем тогда жить. И как?

Утром Ивка отказалась от предложенного бутерброда с чаем, сказала, что поедет устраиваться еще на одну рабо-

ту и уехала в город. В городе она целенаправленно шла на высокий скалистый берег, где начинался хребет длинных кавказских гор. Она чувствовала себя измученной и глубоко несчастной, беспрестанно всхлипывая по дороге и шепча детские проклятия. День был рабочим и на берегу почти никого не было, хотя погодка еще стояла по-прежнему располагающая для отличного отдыха. Ивка уже стояла на самом краешке крутого обрыва. Она понимала, что ей будет очень больно, потому что в воду она не упадет, как в знакомом фильме о любви, и может даже не умереть сразу. «Ну и пусть не умру, зато мать хоть немного пожалеет калеку». И она, зажмурившись, прыгнула.

Гипс наложили на всю правую ногу – перелом в двух местах. Больше серьезных травм не обнаружилось, лишь ушибы, ссадины и горькие слезы не от неутихающей боли, а больше от слов добродушного травматолога, полных сочувствия и теплоты.

Мать еще больше отдалилась от «трудного подростка», который когда-то был ее частью, обнимал ее теплую грудь пухлыми ручонками и засыпал сытым сладким сном. Теперь это сильно повзрослевшая ее трагедия, которая угрюмо лежит в своей комнатухе и все рисует, рисует... Младшие дети к ней не допускаются из-за боязни дурного влияния. Хотя Ивка даже не обращала внимания на прибегающих иногда галдящих глупых сестер, которые с нескрываемым любопытством рассматривали загипсованную ногу, похожую на

высокий белый валенок. Этот валенок, уже без хозяйки, потом долго валялся под шкафом в детской, как напоминание о старшей сестре, которая уехала учиться очень далеко.

В ту осень мать действительно отправила Ивку учиться, подальше от семьи, в Архангельск, попутно со старой своей знакомой – ректором медицинского училища, в которое мать и определила свою трудную дочь. После интерната Ивка была в родном доме как чужая. Она ни о ком не заботилась, молча, без охоты, помогала по дому, делала трудную работу безо всякого нытья, лишь зыркала зло на мать и сестер. Поэтому мать легко согласилась на предложение Ниночки, ее знакомой с юности, гостившей у нее этим летом, отправить дочь учиться в другой город. Там она будет под присмотром ректора, будет комнатка в общежитии, все потихоньку обрывается, когда девочка увлечется учебой.

Но учеба почему-то не увлекала. Скучная латынь, сложнейшая фармакология, нудная анатомия, да еще плюс школьные предметы – все это удручало Ивку и подавляло в ней даже самую малую искру жизни. Из-за плохих оценок у Ивки не было стипендии, она голодала. Из дома иногда приходили маленькие посылки с копченой колбасой от отца, которая тут же съедалась за пару дней. Пробовали с девчонками выкапывать оставшуюся с лета в земле мерзлую картошку и печь ее на костре – очень вкусно, особенно с посоленным и поджаренным хлебцем. Зимой стало еще хуже: таких холодов Ивка не знала, прожив всю жизнь на юге, где самая

мерзкая погода – это норд-ост с дождем и температура минус 5. Здесь же замерзали сопки уже внутри и трудно вдохнуть было, а ноги промерзли моментально в тоненьких сапожках. Ивка серьезно простужалась, пропуская неделями занятия. К новому году она плюнула на учебу и увлеклась ухаживаниями местных морячков – студентов из соседнего института. Один из них, мускулистый поджарый и очень симпатичный, оказался особо настойчивым, и Ивка доверилась его жарким объятиям и нежным поцелуям, с нервным шепотом, обнажающим притягательную плоть юной «медички».

К весне мать узнала об «успехах» дочери и велела отцу привезти ее, вместе с документами из училища. В привезенных документах мать наткнулась на совершенно новый – медицинскую карточку с единственной записью о мини аборте на 5-недельном сроке, что вызвало немалую эмоциональную бурю и ручей слез от бессилия и злобы на судьбу. Тогда мать и хватил первый серьезный нервный удар. Она лежала на постели, вся вытянувшись дугой, хрипя и стискивая кулаки; изо рта медленно выливалась пена и никто ничего не мог сделать – зрелище было не из приятных, но страх тормозил все мыслительные процессы, могущие помочь в данной ситуации. Лишь отец непрестанно гладил мать рукой место солнечного сплетения и ласково повторял ее имя, как будто звал откуда-то. Испуганных, плачущих младших сестер увели, а Ивка молча вышла из комнаты, собрала вещи и ушла к Ленке. Она старалась не попадаться матери на глаза. Устро-

илась опять официанткой, отдавала половину зарплаты Ленкиной матери за проживание и надеялась на то, что жизнь повернется когда-нибудь к ней своим счастливым ликом.

За три года кем только Ивка не работала, в основном на должностях обслуживающего персонала в том же пансионате, дослужившись до администратора и завертев роман с женатым заместителем директора, она узнала все внутреннюю жизнь высшего руководства: чем кто живет, что покупает, кто где и с кем живет и каким образом богатеет. Ивке очень хотелось попасть в тот мир «других людей», но не хватало образования, и она решила пойти на курсы телефонисток. На тот момент в городе больше не было ничего привлекательного для нее из учебных программ. Зато после курсов она чувствовала себя хозяйкой связи, которая вольна соединять голоса людей на разных концах страны, могла подслушивать их разговоры, могла разъединять, так, для баловства, объявляя о том, что кончилось время. Работа Ивке нравилась. Здесь не нужно ни за кем ни прибирать, ни прислуживать. Ивка была почти счастлива. Не хватало одного – принца. И он не замедлил появиться. Это был офицер в отставке по состоянию здоровья, проходивший реабилитационное лечение в местном санатории. В первый раз он пришел позвонить маме, поздравить ее с днем рождения. Ивка сразу заметила этого высокого красавца и широко улыбалась теперь ему каждый раз, когда он приходил позвонить кому-то из родственников. Красавец не мог оставаться равнодушным к очарова-

тельной пышногрудой красотке и, на третий раз, подошел к Ивке как будто спросить про плохую связь с Москвой. Ивка таяла от его обаяния и сразу согласилась на свидание вечером. Она показала ему вечерний город со второго этажа прогулочного катера, качающего их двоих, обнявшихся для тепла и первого поцелуя.

Через три недели офицер уезжал домой уже с невестой, с зачатой жизнью внутри, с надеждами на счастливую и радужную жизнь, как мечталось Ивке. Она с легким сердцем оставляла этот город, в котором родилась, в котором жила ее родительская семья – то было ее прошлое, которое ее больше не тревожило, лишь покрылось дымкой сожаления и горечи.

Прошло 16 лет. Трудных, с глубокими разочарованиями, ранами, побоями, разводом, отчаянием, встречей нового избранника, с рождением сына и уже взрослой дочерью, не желающей знать свою истеричную мать, жесткую и горделивую. Уставшая, так и не понявшая жизнь, Ивка опять приехала к своей матери. Возможно, теперь они смогут восстановить ту близость, которую потеряли еще в розовом Ивкином детстве, когда она не хотела расставаться с любимой мамой даже на время дневного пребывания в детском саду. Когда мама забирала ее по дороге домой с поликлиники, в которой работала, Ивка, лишь увидев родное лицо, кидалась со слезами радости навстречу и обвивала материнскую шею руками, целуя в щеки, уши, куда придется и вдыхая запах материнской пудры, который так и остался в памяти, неприглушенный ни-

чем, даже теперь, когда мать давно не пользуется косметикой, когда она располнела и от нее приторно пахнет валокордином. Тонкая нежная когда-то кожа на лице матери теперь обвисла, взгляд замутнился, но голос остался звонким, с теми знакомыми нотками из детства, которые так радовали маленькую Ивку. Это была все та же ее родная мамочка. Ивка приехала в ее 65-й день рождения. Привезла роскошный букет из бардовых пахучих роз, который мать поставила в единственную красивую вазу в центре стола. Ивка собрала на стол все, что привезла. Были икра, запеченная рыба, салаты с оливками и лососем, фрукты и, конечно, водка. Ивка не любила вино – от него сильно болела наутро голова, а водки немножко можно выпить, не разбавляя сладкой газировкой, как в юности. Мать, конечно, обрадовалась дочери, они обнялись, расцеловались, накрыли на стол, а потом мать погрузнела, глядя на Ивку. Сколько они пережили вместе и поодиночке. Как же тосковали по той нежности и теплоте, которая бывает при рождении первенца. Когда мать живет в каждом его вздохе, видит глазами малыша, чувствует с ним, дышит и бьется одним большим сердцем со своим маленьким первым сокровищем.

Рождение других детей отодвигали все дальше эти ощущения, вытесняли из памяти нежные моменты, из сердца – теплоту, лишь оставался взгляд на дочь как бы со стороны, постепенно приближаясь к оценке будто бы другого ребенка. И вскоре уже действительно будто чужой ребенок выраста-

ет сам, взрослеет, отвечает на агрессию и давление со стороны матери, не поддается родительскому волевому влиянию и хочет жить самостоятельно. И мать ее отпустила тогда, не без боли оторвав от своего сердца, будто целую часть, которая билась теперь в этой женщине напротив, бывшей ее маленькой дочурке. Ивка смотрела сейчас на постаревшую мать улыбающимися глазами, прямой спиной демонстрируя свою непоколебимую независимость и все же изнывая от желания хоть немного понежничать или хотя бы прильнуть к плечу матери. Но ситуация не сближала их, а давала лишь возможность пообщаться без напряжения.

К тому моменту жизни Ивка осталась без жилья, первый муж – офицер красавец лишил ее жилплощади после трудного развода, оставив половину квартиры их дочери, а ее без каких-либо средств к существованию. Да, она получила высшее образование, благодаря отцу любимого сына, но пока не знала, как подступиться к работе по специальности. Это был момент между ее мирами, в которых она блуждала как в заколдованном лесу, не в состоянии найти выход или хотя бы нужную дорогу, ведущую из темноты. Оставив сына в Москве, Ивка и приехала в родные края за помощью, силой, наставлением, хотя бы добрым словом от все еще главного человека в жизни – матери. Но мать сидела и смотрела на дочь, будто впервые встретив ее. Она не могла вымолвить ничего, кроме: «как ты живешь?» Ивка даже не обратила внимания на этот пустой вопрос, поняв насколько мать

далека сейчас от сочувствия, понимания и утешения своего первенца.

Мать выглядела очень больной. Собственно, она всегда выглядела нездоровой и измученной. Но сейчас, когда остальные дети подросли и разъехались, мать здорово сдалась беспощадному влиянию времени, которое бесследно стерло даже тень от той материнской красоты, которая привлекала многих мужчин. И отец всегда ревновал мать, обижаясь на ее фривольность в поведении именно тогда, когда он, изводимый ревностью, ничего не мог сделать с тем, с кем игриво общалась его жена. Как же он ее за это ненавидел. Этой красоты, причины тогдашних скандальных размолвок родителей, как и не бывало, она ушла вместе с лучами из глаз, со звоном голоса, с запахом пудры. Разговор не клеился. Водка не пьянила. Еда соблазняла видом и запахом, но обе чуть к ней притронулись. Ивка стала расспрашивать мать про родственников, оказалось, многих уже нет. Был повод помянуть. Ей почему-то очень захотелось посетить могилы ушедших родственников.

– Давай съездим на кладбище, помянем там... ты не обидишься, что предлагаю в твой день рождения? Это ведь и мой тоже день....

– Да, дочь, извини, поздравляю и тебя с днем рождения. Надо же – три женщины из трех поколений родились в один день. Давай бабушку, мою мать помянем для начала, у нее сегодня 95-й был бы день рождения.... Но на ее могилку я

уже не доеду.

Они обе чуть пригубили рюмки и обе погрустнили еще больше.

– Ты же выпила, как за руль сядешь?

– Тут до кладбища пара километров, не волнуйся, довезу живой, я совсем не пьяная.

– Хорошо. Подожди – я оденусь. И заодно возьмем посадить там цветов, я все собиралась, да как-то не получалось...

– Конечно, бери, посадим, если хочешь.

На этом кладбище уже не хоронили лет пять – здесь все понемногу зарастало. Они нашли знакомый пятачок земли, огороженный голубым заборчиком с ржавчинками, внутри которого высились три надгробия, деревянный столик и скамья, покрашенные еще при жизни одного из помянутых ими сегодня. Надев перчатки, они принялись высаживать выющиеся цветы вокруг каждого надгробия. Прибирая прошлогоднюю листву, падающую с погнутых рябин и берез, Ивка заметила прямо под листьями черного котенка, который смотрел на нее в упор, не отводя зеленых больших глаз. Ивка попыталась взять котенка на руки, но он увернулся и нехотя отбежал подальше, не уходил, все смотрел на Ивку, наблюдал за каждым ее движением. Ивка скромно накрыла стол, поглядывая на черного своего наблюдателя, пригласила мать, и они пригубили по рюмке за всех родичей со стороны отца, ее бывшего мужа, жизнь которого продолжалась уже около другой женщины вот уже лет 10. На кладбище Ивке было не

так грустно, как в доме.

– Здесь как-то не одиноко, здесь они все будто с нами сидят, ты чувствуешь?

Мать странно посмотрела на Ивку, но ничего не ответила.

– Это кто-то из них, пришел помянуть вместе с нами

Ивка кивнула на котенка.

– Это точно бабка-свекруха, она и при жизни любила бесшумно войти и наблюдала – кто чем занимается...

– Ты ее не любила за это?

– При чем тут любила-не любила. Просто жилось очень трудно, а она совсем не поддерживала, жила так, будто одна живет, а не с многодетной снохой. Да еще эти ее игры с детьми глупые. Даже не хочу вспоминать. Сгинь бабка.

И мать выплеснула в сторону котенка оставшуюся водку из рюмки. Но тот лишь спрятался за куст, не убежал, а продолжал наблюдать.

Ветер шумел деревьями, в воздухе царил таинственность, дышалось легко, запахи цветов одурманивали больше водки. Ивку потянуло на откровенность с матерью. Ей просто захотелось с ней немного поговорить о жизни.

– Скажи, ты не жалела, что отдала меня, а потом младших сестёр в интернат?

– Нет, чего жалеть? Вы там были сыты и одеты!

– И это все, что было важно для тебя тогда?

– А что еще? В доме за вами некому было присмотреть, некому поесть приготовить, да и одежду обеспечить вам на

все сезоны не было возможности.

– Но вы же оба работали и у отца была очень высокая зарплата?

Мать махнула рукой и отвела взгляд.

– Он мне не давал ни копейки. Привозил продукты, какие считал нужными и все. Я вынуждена была справляться со всеми проблемами сама, и мне было невыносимо трудно. Поэтому и оформила в интернат.

А зачем ты так много рожала? Ты ведь медик, ты могла предохраняться....

Мать нервно стала собирать со стола все, что было накрыто для поминок.

– Почему я должна оправдываться перед тобой. Чем ты недовольна? У тебя было все, но ты сама все испортила!

Мать направилась с сумкой к машине. Ивка молча последовала за ней. В машине Ивка заметила слезы в глазах матери.

– Извини, я не хотела причинять боль воспоминаниями. Мои тоже меня ранят до слез. Просто хотела узнать некоторые моменты для себя. Мне это необходимо. Я сейчас в крайне тяжелом состоянии. На перепутье что ли. Мне необходимо что-то прояснить. Я чувствую, что должна жить по-другому, но что-то мне мешает. Помоги мне, если сможешь.

– Чем я могу тебе помочь?

– Мне негде жить, честно говоря. У меня нет работы. У меня нет семьи. Есть любимый сын и трудная дочь. Как

быть? Что дальше? Я так разочарована в мужчинах. Они все попадаются одного типа – все как мой отец: выпивающие бабники, жадные до денег. Сын – мой единственный любимый мужчина. Он меня никогда не предаст.

– Ты так не зацикливайся на сыне-то. У него своя жизнь, у тебя- своя.

– У меня нет никакой жизни. Мам, я запуталась по жизни, я очень одинока, опустошена и мне негде приткнуться, нет какого-нибудь пристанища своего, где можно отлежаться и зализать раны... Мам, ты можешь что-нибудь подарить мне из недвижки, хоть сараюшку какую? Ты же много покупала за бесценок, по хуторам, еще с отцом когда вместе были. Помоги мне, у меня совсем ничего нет, я нищая и голая, первый муж меня лишил всего, а второй – женатик, и покупает все только для своей семьи. Вот недавно 4-х комнатную квартиру им купил. Обставляет теперь. А мы с сыном в съемной однушке ютимся. У меня ни в чем уверенности тоже нет. Я будто обесточена. Мам, помоги мне, прошу тебя.

Мать молчала.

– Хочешь, я буду жить с тобой? Перееду сюда? Найду здесь работу....

Ивка запнулась на последнем слове, вспомнив, как много лет назад поменяла здесь кучу мест и как поклялась себе приехать сюда на дорогой машине и объехать все места, продемонстрировав свою успешность. А теперь она просит мать переписать на нее недвижимость. Какое унижение. «Что я

делаю? Зачем я это говорю?» – спрашивала себя Ивка, но почему-то вслух продолжала уговаривать мать сделать для нее хоть что-нибудь, для ее счастья.

– Я сделала для тебя все, что могла, – Выговорила, наконец, мать, когда машина уже подъехала к дому. Она молча вышла, забрав только инвентарь для посадки, и так же молча пошла куда-то на огород, даже не обернувшись на Ивку, пораженную ответом матери. Ивка не стала проходить в дом. В оставшийся день своего рождения она каталась по всему городу, заезжая в те места, где она мечтала продемонстрировать свою успешность много лет назад. Но не встретила ни одного знакомого лица на прежних своих местах работы.

Вконец расстроенная, уставшая, Ивка подъехала к озеру, как можно ближе к воде, и долго смотрела как солнце прячет свой свет за кромку моря, оставляя небо посеревшим, будто обесцветив весь мир вокруг бедной Ивки, такой одинокой и горемычной в свой 40 –й день рождения. Она достала из спинки своего сиденья большой блокнот с плотными белыми листами, нашла карандаш и долго рисовала все, что было у нее на душе: зовущее глубиной море, изумительный закат, пенные волны, грустную себя, свою горечь, свое отчаяние, мать с поджатой нижней губой, ее усталые, в узлах руки, цветы, которые она привезла, своего нежного сына Святика, с его безграничной любовью и большими теплыми объятиями маленьких, пухлых ладошек, обнимающих ее лицо. Как сильно захотелось вернуться в Москву, к сыну, обнять его и

забыться в детской бескорыстной ласке. Но надо закончить с матерью тяжелый горький разговор и, возможно, вместе развязать горький узел обид, расплескав на все части света, разбрызгать, освободив волну жизни внутри, затянутую сейчас так, что дышать тяжело, не то что жить.

Заночевала Ивка у старой знакомой, их обеих когда-то любил один мужчина. Теперь он далеко, отсиживает за свою неистовую любовь к женщинам, способных и предать, и просто не любить, равнодушно принимать его нескладные стихи, его вдохновение, его исступленную влюбленность...

Наутро Ивка рано собралась и, не дожидаясь завтрака, оставив в подарок подруге коллекционный чай на столе, коньяк и грильяж, уехала опять к матери. По пути заехала на рынок, накупила всего, чего, по ее мнению, не хватало из продуктов матери: картошки мешок, лука, яиц, капусты, риса, хлеба, охлажденной свинины, сала, всякого печенья, сливочного масла, оливкового, семечек для жарки, молочки, орехов, шоколадных конфет, маринованных грибов и немного фруктов из яблок, груш и киви. Подъезжала к знакомым воротам с нарастающим тревожным ожиданием.

– Мне ничего не нужно от тебя. Можешь все забрать с собой и уезжать. Я сама себе могу все купить. Не рассчитывай на недвижимость здесь. Ничего твоего здесь нет. У тебя вон мужа есть – пусть тебя и обеспечивают. А я тут сама все своим горбом заработала.

Прямо с порога полоснула мать, увидев дочь с тяжелыми

пакетами со снедью. Мать стояла на пороге и будто не хотела ее даже пускать в дом. Смотрела в упор на Ивку, что-то для себя решившая раз и навсегда. В ее лице ничего не напоминало о любящей матери, о ее тоске по дочери, о ее желании обнять, поцеловать, попросить прощения... Она стояла непреклонная и холодная как гора, не подпускающая к себе отвесными склонами. Ивка невольно выпустила из рук пакеты, закрыла лицо руками и убежала прочь отсюда, от этой холодности, от немоты, от желания завывать волчицей. Ключ долго не мог попасть в зажигание, дрожа вместе с рукой Ивки, на руль уже падали первые крупные капли надвигающейся грозы, которая вот-вот должна была разразиться внутри...

«Закрытая черепно-мозговая и лицевая травма: очаговое субарахноидальное кровоизлияние в затылочной области слева.... – зачитывал приехавший на скорой врач свое заключение после предварительного осмотра.

– Жить будет? Тут, судя по документам, у нее двое детей, разведенка.

– Нужна срочная операция, компенсаторные мероприятия... возможно, и выживет, но не гарантирую.

– А второй?

– Этот «всмятку» – травмы, не совместимые с жизнью.

Сразу в морг. Оформляйте.

На трассе «М4 – Дон» лобовое ночное столкновение двух легковых автомобилей привело к смерти одного из водителей, второй доставлен в реанимацию в тяжелом состоянии.

В темной комнате светились чьи-то глаза, внимательно разглядывающие Ивку.

– Ты кто? И где это я?

– Здравствуй!

Голос шелестел, будто ветерок дул, захотелось поговорить. Ивка приблизилась к собеседнику, тоже одетом во что-то белое и просторное.

– Здесь не включается свет? Хочется света. Мне неудобно в темноте.

– Выключатель не работает.

– А ты кто? Мне здесь страшновато. Где мы? Непонятно ничего. Кто ты?

– Я был тем говнюком, который въехал тебе в лобовое? Помнишь? Но это неважно. Я должен был это сделать, иначе нельзя было остановить твою программу...

– Какую программу?

– Самоуничтожения.

–???? я включила такую программу? И ты меня так остановил? Где мы? Мы умерли?

– Ты пока нет. А я, вернее оболочка, уже в морге... Тебе крайне важно вспомнить – зачем тебе это воплощение. Ты помнишь свое назначение на эту жизнь? Ты помнишь, что ты должна испытать, что пройти для того, чтобы покинуть низший круг? Ты знаешь, что не проходишь это назначение уже третий раз? Твои земные приоритеты, мягко скажем, на амебном уровне – сплошные привязанности и никакого раз-

вития!

– То есть уже третью жизнь одно и то же?

– Да! Третье воплощение подряд ты цепляешься за идеальные отношения и за совершенство физической любви! Любви чувственной, которая ничего общего не имеет с совершенствованием любви божественной. Ты застреваешь в своих ощущениях, не понимая, что они – лишь средство, а цель – выше и дальше. Тебя два раза останавливали смертью, но третий раз тебе дан шанс – исправить в текущем воплощении свою ситуацию. У тебя как под копирку каждое воплощение. Ты не хочешь выходить на другие уровни и болтаешься в самых низких частотах любви, которая служит лишь средством, а ты ее пытаешься закрепить в душе и сделать главной ценностью жизни. Тебе каждый раз даются холодные отношения с тем, кого ты очень любишь. В этот раз – мать.

Ничего не понимая, Ивка сидела на разделительной шоссе-полосе, поджав под себя ноги и смотрела на белобрысого собеседника с голубыми глазами и белесыми губами, говорящими шелестом сухих листьев. Было странно тепло и тихо, позади нее на асфальте оставались еще их разбитые машины, вокруг валялись осколки, кровь, наверное, этого белобрысого, хотелось заплакать, но не получалось. Белый продолжал.

– Ты каждый раз ждешь ответственности, идеальности, для тебя мир непременно должен быть идеален формой или его не

должно быть вовсе. Глубже и дальше формы ты не идешь. Это все равно, что требовать от звезд и облаков того совершенства, которое представляешь только ты! Мы их принимаем и живем дальше. Мы не требуем от них взаимности на наше восхищение ими. Так и с людьми.

– У меня есть шанс выжить в этот раз?

– Да, но небольшой. Ты все еще не хочешь принимать естества развития. Ты противишься и хочешь своих шаблонных идеалов. Откуда они в тебе? Они искажены отсутствием в тебе любви. Ты ждешь от других счастья только для себя, а ты начни дарить его.

Ивка вдруг почувствовала пронзительный взгляд в спину. Она обернулась и увидела пожилую женщину с лицом, похожим на материнское, но с темно-рыжими длинными волосами. Она смотрела на нее ласково и что-то вроде хотела сказать, но не могла произнести ни слова. Ивке захотелось обнять ее, она чувствовала, что женщина чем-то ей близка.

– Это твоя прабабка по текущему воплощению. Ты не случайно попала в этот род. С нее и начались проблемы в понимании любви. Она сделала ужасную вещь. Теперь крутится внизу и никак не может выбраться оттуда, не рождаясь вновь, потому что у рода нет силы на ее рождение.

– Что же она натворила?

– Предала любовь. Свои идеалы ей были дороже высшей любви, для накопления которой многим необходима жертвенность. Ее выдали замуж в 14 лет по воле родителей. Воз-

ненавидев тогда весь белый свет, она начала гулять как кошка, разбрасывая свою ценность всем, кто ни попросит. Муж, спасая ее душу, умер на гражданской, оставив ей двоих мальчишек, умерших вскоре от коклюша, тоже спасая ее. Она вышла замуж повторно. Родила еще двоих детей – твою бабушку, горделивую, уже без любви в душе, и кроткую маленькую ее увечную сестру, всю жизнь, любившую тихо и беззаветно и своего мужа, и родившихся в любви детей. Твоей бабушке восстанавливали оборвавшийся поток любви сильно выпивающим, но беззаветно любящим ее мужем, да верой в пустые идеи коммунистической партии, забирающей из душ людей последние капли сострадания и родовой человечности, навязываемой искусственные чувства к пустым тезисам о великом идеальном будущем мира. Твоя мать – полная ее копия, не сумевшая принять всевышнюю волю, получив в мужа не только выпивающего, но и любодея, не семьянина. Вожделение и презрение к мужу вычернило и опустошило ее душу, накопив лишь агрессию и к этому миру и к его законам, равно как и у твоей прабабушки. Твоя эстафета продолжается ровно по этой спирали и нет ей конца.

– Так все неспроста было? Ей просто нечего мне было дать? Так в ней самой задавлены сладострастие и вожделение – суть поверженной высшей любви.

Глаза белобрисого чуть улыбались, в них будто качалось море – оно переливалось в них всеми оттенками волны: от бело-голубого до глубокого фиолетового, холодного цвета

бездны. Ивка чувствовала себя внутри этих глаз, она тонула и опять появлялась на поверхности среди пены, растворяясь в ней как русалка, отдавшая свою жизнь за любовь; чувствовала как к ней приливаются силы, как она будто становится все больше и больше, ее раздувает, вернее не ее, а ощущения ее, она уже больше Земли, она – уже вся Вселенная, ей впервые в жизни легко и свободно, нет ни боли, ни обид, а только ощущение огромной любви ко всему миру, к каждой травинке, к каждому живому существу – ведь все они были в ней, внутри нее или она была в них, они были целым, все было Ивкой и Ивка была всем. Это грандиозное открытие взбудоражило электрической силой все биотоки внутри ее пострадавшего в аварии тела и распахнуло глазницы. Мир уменьшился до маленькой белой палаты, из которой на нее глядели глаза, полные слез.

«Я видела уже эти глаза. Я смотрела в них так глубоко, они были во сне, это глаза моей души, в которой теперь любовь. »

– Это вы?

– Наконец-то вы очнулись! Все обошлось!

– Я – Любовь!

– В карте записано другое имя...

– Я любовь! Любовь! Как хорошо!

– Прекрасно, Любовь, я вас понял, вы действительно Любовь, только она вас могла вытащить с того света!

– На том свете мне все и открыли, там любомудрые...

Доктор с голубыми глазами осматривал чудом уцелевшую

«безнадежную» на адекватность неврологических рефлексов, тщательно скрывая свое изумление от внимательно следившими за ним глазами выжившей, излучающими будто бы свет, проникающий в его глаза, в его мозг, в его сердце. Пострадавшая не должна была выжить, ее травмы настолько тяжелые, что по показаниям вынуждают реаниматологов держать подобного пациента в вынужденной коме. Но она вышла из комы самостоятельно и «светилась», не реагируя на естественную травматическую боль. Доктор в недоумении провел необходимое обследование, убедился в неврологической и психологической адекватности пострадавшей и хотел уже уходить, как почувствовал, вернее услышал ее шепот над своим ухом: «Не уходи!» Он так и остался сидеть у кровати воскресшей Любви, и сквозь прикрытые веки, на него шел из ее глаз поток теплого света. А над ними улыбались глаза белобрысого, заполняя голубым свечением все пространство белой реанимационной палаты.

– Вот и заработал выключатель... Подумалось засыпающей Ивке.